Надежда Чернова

СЛОВА ВОЗДВИГЛИ БЫТИЁ

ЕВГЕНИЙ КУРДАКОВ. ПИСЬМА.

Евгений Курдаков вот уже несколько десятилетий один из самых заметных поэтов нашего времени. ПОЭТ – это главное состояние его души, его призвание, хотя включает в себя не только сочинение стихов, в последние годы пронзительных по своей прощальной печали, любви ко всему сущему, провидению грядущих потрясений, но и прозу, которую Е.Курдаков писал всю жизнь, и размышления о литературе, философские эссе, разработки по истории языка, книги о флористике и этнографии, фантазии по поводу необъяснимых природных явлений, «семейный альбом» родословия, резьбу по дереву, реставрацию старинной утвари и создание «Сада корней» в Усть-Каменогорске. И в каждом творческом проявлении Курдаков был – ПОЭТОМ.

Он до сих пор, к сожалению, не известен широко в России, не издан в Москве, но благодарную память о нём хранят на двух его родинах: на казахстанском Алтае, в городе Усть-Каменогорске, где прожил он значительную часть своей жизни и воспитал учеников, помнит и Алма-Ата, где он издал главные свои книги, а также в трёх российских городах: Оренбуржье (там он родился, в Бузулуке), Великом Новгороде (там жил он последние годы, и там вышли его посмертные стихотворные сборники) и в Старой Руссе, где похоронен.

С первой же публикации в «Просторе» я полюбила его стихи – яркие, диковатые, в которых звучало эхо доисторических, реликтовых времён.

Время Ай снесло яйцо над миром,
Осветил рассвет вершины гор, –
Я лицо умащиваю жиром,
Я точу кремнёвый свой топор...

* * *

Это дождь на овсы – таусень, таусень!
Это радуга, радость язычья.
Нарекается ночь, нарекается день,
А звезда назовётся по-птичьи...

* * *

И вот назвался белый свет, и сразу тьма смешалась,
Слова воздвигли бытиё и осветили мглу...

Потом он стал писать более сдержанные, отточенные строфы, но всё равно был неизменно узнаваем и самобытен. Это был образ мастера и следопыта, чутко слушающего Природу. Он слышал поэзию изначальную, слышал её божественную музыку и перелагал в Слова. И Слова его, в самом деле, «воздвигли бытиё» – неповторимое, осветившее нас светом Добра и Любви. И можно сказать о нём его же строками:

Этот сумрак, этот холод
Полон света твоего.

* * *

Познакомились мы с Женей в 1984 году в доме поэтессы Руфи Тамариной. Дом Руфи Мееровны был тогда своего рода духовным центром, где собирались поэты, художники, актёры и т.д. Пелись песни, читались стихи, бурно обсуждались литературные новости и прочитанные книги. Руфь тогда уже нигде не служила – по возрасту, но живо интересовалась каждым новым творческим человеком, привечала, помогала по мере сил и знакомила с литературной средой Алма-Аты, потому появление в её доме Жени Курдакова было вполне закономерно, тем более что она много слышала о нём и от просторовцев, и от приезжавших в Алма-Ату устькаменогорских поэтов.

У Жени, несомненно, были свои интересы в Алма-Ате, и в частности в «Просторе», где я работала, и наша переписка началась, скорее всего, по этой причине: он хотел знать о продвижении своих рукописей, ну, и конечно, ему стали интересны литературные события Алма-Аты и тех писателей, с которыми он успел познакомиться в свой первый приезд.

Нас, сочинителей, тогда в Алма-Ате было много, все – молоды, задиристы, энергия била через край, и потому мы много шутили: эпиграммы, пародии друг на друга, разного рода мистификации – они сочинялись экспромтом и никогда не записывались. Женя был этому удивлён и предложил систематизировать наши «хохмы», создать персонажей, на манер Козьмы Пруткова. Вместе с журналистом Адрианом Розановым (сыном известной Натальи Сац, которая открыла когда-то в Алма-Ате театр для детей и юношества – ТЮЗ) они в Усть-Каменогорске – от скуки и для увеселения души – придумали «КурРоРТ», т.е. «Трест: Курдаков – Розанов», где Курдаков писал за поэта Х.Кислозвёздова, классика курчумской литературы Мешка Налимова, рыбинспектора Крокодилова и др., а Розанов – за Артемона Фиалкова.

Мы мигом подхватили их идею и уже вскоре сварганили своих литературных типов: Энни Ша (по инициалам создателей: Надежда, т.е. я, Нина Шмидт и Шашкова Люба), мужа Энни Ша, поэта-нарцисса, раблезианца и обжору, Любима Чукчина, и чтобы для драматизма был любовный треугольник – певца базаров и красивой жизни Иосифа Николадзе-Нидворадзе, влюблённого в роскошнотелую Энни. Сочинили мы и слепоглухонемую сестру грузина, Нину Николадзе-Нидворадзе, которая находилась в круглосуточном восторге от

брата и его пассии. Драма углублялась ещё и тем, что наша игривая Энни Ша, узнав, что далёкий алтайский поэт Х.Кислозвёздов временно не женат, стала кокетничать с ним, и не просто кокетничать, а делать ему бесстыжие намёки и подмигивания, а то и откровенно домогаться, что вызвало у травмированного разводом Х.Кислозвёздова неодолимое желание писать на неё и всех наших персонажей эпитафии.

Переписка наша с Женей стала немедленно обрастать «дурацкими» стишками, пародиями, сценками и т.д. Мы обменивались этими «шедеврами», и в итоге собралась целая книжка, которая была названа «Завихряцкий хлюздоз». Она так и осталась в рукописном виде, потому что пригодна только для «домашнего употребления», но как добавление к творческим занятиям Евгения Курдакова и всех нас, как некий биографический штрих, может быть, и любопытна. В конце концов, многие стихотворцы – и классики, и не классики – забавлялись сатирическо-ироническим жанром, в том числе и мистификациями, спускаясь с божественных высот на грешную землю, отдыхая от напряжённого труда, от житейских невзгод в шутке.

В письмах Жени это отражено и чудесно разбавляет серьёзные размышления о важных предметах бытия и литературы.

...И снова щемило сердце от печали и горечи, когда я перечитывала строки его писем и стихов, где он обнажён, где не защищён ничем, где как бы всё время чувствует бездну рядом:

Приснилось мне, что смертною метелью
Я занесён в затерянном краю,
И звуки ветра хриплою свирелью
Мне тихо напевают жизнь мою.
.....
Приснилось мне, а может, не приснилось,
А может, этот снег, что бьёт в окно,
Навеял эту боль и сиротливость,
Что вечно нам в себе нести дано...

Спохватывается, стыдится откровенности, отшучивается, восклицает: «Жизнь смертельно хороша!» – и снова печалится: «Душа прозревает и плачет о всех...», снова жаждет исповеди – в вечном одиночестве творца, познавшего «кровный дух небесного огня», в изнуряющих душу сомнениях, в поисках ускользающей тайны бытия, в постоянной нехватке собеседника – равного себе, а то и учителя.

Я, конечно же, не была ему ни равным собеседником, ни тем более учителем, и всегда понимала это, несмотря на его ободряющие в мой адрес слова. Но благодарна судьбе за эту переписку, которая подарила мне общение с замечательным поэтом и человеком и, думаю, отчасти повлияла на моё творческое формирование.

* * *

Я долго не решалась печатать письма. Но годы идут. XX век закончился, начался век XXI. Уже стремительно промчались его пятнадцать лет. Уже не-

мало наших современников ушли в небытие. И частная переписка перестаёт быть частной – она становится документом времени, а в случае с Евгением Курдаковым – частью литературы, ибо письма его написаны пером литератора, поэта, мыслителя.

Да будет светлым его небесный путь!

1984 ГОД

Здравствуйте, Надя!

Никак не могу забыть своей поездки в Алма-Ату. Может быть потому, что эта поездка была у меня первой, и всё было внове, но больше оттого, что встретил интересных людей. К сожалению, так и не успел познакомиться с Антоновым и Шмидтом – не дождался.

С удовольствием вспоминаю вечер у Руфи М. Тамариной. Откровенно, не ожидал такой простоты и добросердечия. Я ведь знал о всех вас лишь по рассказам некоторых устькаменогорцев, которые, не в пример мне, частенько наезжают в Алма-Ату. Ну, а рассказы эти, в общем-то, сводились к тому, что алмаатинские поэты – сплошь или алкоголики, или надменные верблюды. Теперь-то я знаю, что это гнусный поклёп, и с нетерпением буду ждать оказии съездить вновь в Алма-Ату.

Знаете, Надя, на меня большое впечатление произвёл Саша Соловьёв (его стихи). Не знаю, почему, но мне показалось, что вы (по крайней мере, многие) воспринимаете его и его стихи не вполне всерьёз. В чём тут дело? Я не успел во всём разобраться, но вот передо мной сборник его – «Родные лица», книга очень музыкальных стихов, – на редкость! – к сожалению, чувствуется случайность многого, но ведь это первая книга...

Как и предвещала Руфь Мееровна, с Абаем у меня ничего не вышло. Несмотря на рекомендации Каратаева и секретарей СП, – в «Жазушы» остереглись заключить со мной договор, – мол, вы переводите, а мы потом посмотрим. А причины отказа – всё то же буквоедство и начётничество, которое и не давали до сих пор возможностей Абаю прозвучать по-русски (ну и ещё просто редакторская трусость)... Впрочем, чёрт с ними...

Из Алма-Аты ехали с птицами. Через Джунгарский проход летели все грачи и скворцы Сибири, их было миллионы – и на полях, и в небе. Великий Перелёт. Мой спутник (Володя Медведев) без конца выскакивал из машины и фотографировал. (Кстати, он сделал великолепные слайды с того вечера у Р.Тамариной – все хохочут, особенно сама хозяйка дома...)

А дома меня ждала телеграмма о смерти отца. Вылетел тотчас в Челябинскую область, – там зима, минус двадцать, – горькие похороны, тоска и ощущение какой-то неотвратимости, которое не проходит до сих пор.

Надя, извините за неожиданное письмо, сообщите, пожалуйста, судьбу моей подборки в «Просторе» – я так и не смог узнать о ней в Алма-Ате...

Передавайте от меня привет Любе Шашковой и Руфи Мееровне,

всего хорошего,

Женя.

28 апреля 1984 г.

Здравствуйте, Надя.

Очень рад за Шашкову, буду искать теперь её книгу в наших нерасторопных разгильдяйских лавках. Передайте ей мои поздравления – от души!

А мы тут собрались однажды, «иртышане и иртышанки», за квадратным столом Любы Игнатовой (Медведевой. – *Н.М.*) – и что-то грустно было у нас. Как-то непролазно-безвыходно, уныло. И от грусти ли этой, или от непролазности этой стал я язвить, «балдея внутренне», как я сам называю это состояние... Ну, да Люба Вам напишет...

Видите ли, Надя (это о требовательности), – каждый, наверное, по-своему требователен, но где та мера или градация, с которой один начинает быть или казаться более требователен, а другой – лояльным? И вообще-то, какие уж тут счета предъявлять друг другу, когда рядом стоит огромная русская поэзия – и она сама нам вечный счёт и расчёт, всем нашим провинциальным умильным самообманам, взаимотребовательности и пр. (я про устькаменогорцев). И – пошлости, в конце-то концов. Ведь ложь, даже по взаимной договорённости, – всё равно пошлость...

О стихах Соловьёва (алмаатинский поэт-чудак Александр Соловьёв, который ныне живёт в Америке. – *Н.Ч.*). Я к ним привык уже, и знаете, им, наверное, и не нужно много мысли. Это другой случай. Надоели умные стихи, умные сборники с умными названиями, хоть бы кто-нибудь нагородил бы что-нибудь, отхохмил бы... Прокукарекал!

Кстати, у нас в «КурРоРТе» есть очень умный персонаж – поэты Э.Морковкер, Э.Свекровкер, Э.Боровкер и З.Зернобобовая, правда, они пишут под псевдонимом Иван Сидоров. Это очень деловые ребята, они пишут ипатовским методом по бригадному подряду, используя щучинский эксперимент. Недавно они рапортовали «КурРоРТу», что квартальный творческий план (несмотря на сложные условия зимовки) они выполнили успешно. Этому способствовали комплексное использование сырья и поиск внутренних резервов. Итоги подводят ежедневно и на высоком уровне гласности, ну, и в том же духе.

Другой персонаж «КурРоРТа» – поэт Кислозвёздов. Он полная противоположность товарищам из-под Ивана Сидорова. Это импульсивный, с хорошей поэтической глупинкой товарищ, он много экспериментирует, пишет басни, акростихи, даже палиндромы, например:

Гол ору: – Уролог! –
Волокусь с уколов...
И прёт сон, но стерпи...
и т.д.

Любимые поэты Кислозвёздова – Егор Исаев и Ал.Блок. Это трудная любовь, он разрывается между ними, порой спорит в стихах, неистовствует... Кстати, его будущая книга будет называться или «Память дали», или «Тринадцать» (здесь пародируются названия поэм: Е.Исаев «Даль памяти» и А.Блок «Двенадцать». – *Н.Ч.*), – он ещё не решил. Кислозвёздов щепетилен и точен до крайности, двусмысленностей он не терпит и правду-матку рубит сплеча, ну, например:

Из цикла «ШЕСТИСТИШИЯ»

ВЕРНОСТЬ

Зинаиде 3-й
«Не верь, не верь поэту, дева...»
Ф.Тютчев

И всё-таки поверь, поверь, поверь...
И даже если в шубе наизнанку
По пьянке я ломлюсь к соседке в дверь,
Любимая, ведь я ломлюсь по пьянке!

Вот если бы я лез по трезвяку...
(Но ты ж, родная, вечно начеку!)

15 февраля 1983 г.
Усть-Каменогорск-Хламидовка.
Пасмурно, ок. нуля...

Кислозвёздов очень любит оснащённые стихи, с посвящениями, с эпиграфами, под ними он оставляет не только дату, но иногда и время написания, а иногда и погоду. Много стихотворений посвящено загадочной Зинаиде 3-й, но мы с Розановым подозреваем, что это кто-то из-под Ивана Сидорова. Кстати, любимый девиз Кислозвёздова: «Хорошо нельзя писать – не поверят». Он интенсивно занимается переводами. Правда, переводит только своего друга-курчумца Мешка Налимова. Мешок Налимов живёт в Хламидовке, он друг рыбинспектора Крокодилова. Вот образчик перевода:

МЕШОК НАЛИМОВ

СОБАКЕ КРОКОДИЛОВА
(из курчумских мотивов)

Шугану я тебя, шугану...
Что ты, право, сбесилася, что ли?
Что ты воешь, как волк, на луну?
Ты же всё же в квартире, не в поле...
Шугану я тебя, шугану...

пер. с курчумского – Кислозвёздова

Так и быть, я открою Вам тайну поэтической кухни Кислозвёздова: свои стихи он пишет только перед зеркалом. Если то, что он написал, не соответствует выражению его лица, то он немедленно рвёт написанное. Фальши он не терпит. Вот ещё басня Кислозвёздова:

ОСЁЛ И КОЗЁЛ
басня

Осёл однажды зелени нажрался,
Да импортной притом,
Хватился животом –
и расхворался.
На ту беду тут врач Козёл случился:
Потрогал лоб Ослу и в глотку заглянул,
Сказал, мол, – жидкий стул,
дал порошков – и скрылся...

Осёл, придя в себя после визита,
Потрогал каждый стул,
Подёргал, покачал его, погнул
и – простучал копытом.

И, в разуме козлином усомнясь,
Пошёл в клозет, от хохота трясясь.

Читатель мой, мораль едина тут,
И строки двух других не допускают:
Плохую ещё мебель выпускают,
А стулья – те воистину текут.

Кислозвёздов сейчас переводит «Стансы» Мешка Налимова, посвящённые, кстати, тоже Крокодилову. А Крокодилов корпит над проектом создания антизаповедника «Козлиная падь». Видимо, время от времени я буду знакомить Вас, Надя, с плодами персонажей «КурРоРТа», – если Вам, конечно, это интересно.

Всего Вам доброго,
Женя.
14 мая, 1984 г.
пасмурно, но не очень...

Здравствуйте, Надя.

Спасибо, что так мне всё растолковали, теперь нужно будет сосредоточиться на книге для «Кайнара» (издательство. – *Н.Ч.*) – на кой чёрт я связался с ним? Обещал сдать рукопись к сентябрю, но сейчас понимаю, что это нереально, а значит, и все остальные книги откладываются... Печально... Тут ещё лето прекрасное на дворе, хочется жить, а не сидеть за столом... Знаете, я сейчас только начинаю прозревать: писатели, наверное, самые несчастные люди, правда?.. А расценки просто анекдотические – 150 за лист... Хм, хм...

Конечно, «КурРоРТ» с отбытием А.С.Розанова в Москву несколько потускнел, опровинциалел, что ли, – но в нём участвуют (эпизодически) и ещё некоторые товарищи, многие, впрочем, и не ведая о том: большинство стихов из-под Ивана Сидорова – это газетные вирши Чистякова и Плеслова...

С Кислозвёздовым, Надя, не всё так просто. Дело в том, что он прямой, хотя и отдалённый отпрыск генеральши Кислозвёздовой, из козьмапрутковской драмы «Любовь и Силин», – той самой генеральши, которая скоропостижно вступила в брак с заезжим гишпанцем Сильва-дон-Алонзо-Мерзавцем (помните?). Поэтому в жилах Х.Кислозвёздова бушует и гишпанская кровь (естественно, сильно разжиженная), отсюда и его импульсивность, и склонность к неожиданным поступкам.

(Кстати, помня о своём происхождении, Кислозвёздов в юности, ещё до женитьбы и, естественно, развода, хотел взять себе псевдоним Алонзо-дон-Мерзавец, но ему отсоветовали.)

Да, Кислозвёздов сейчас свободен от брачных уз, разведён окончательно и бесповоротно, но кратковременное его пребывание в браке подействовало на него так сильно, что он ещё не вполне очнулся от стресса и находится в некоем ступоре. Что с ним сейчас происходит, можно понять хотя бы вот по этому стихотворению:

ПРИЗРАК

«О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют...»
Б.Пастернак

Брожу ль под сенью тихой рощи,
Ночной любуюсь ли рекой –
Неистребимый образ тёщи
Встаёт вдруг грозно предо мной.

Встаёт весомо, зримо, грубо,
С холодным блеском мутных глаз.
И страшен этот лик безгубый –
Безумный призрак без прикрас.

В холодном страхе бесполезном
Кричу, бия себя во грудь:
– Скажи хоть слово, но исчезни!
– Суди скорей за что-нибудь!

– Ну, виноват! Ну, зять! Ну, было!
– Ну, выпивал, – а кто ж не пьёт?!
Но призрак тяжкий и постылый
Мне молча петлю подаёт...

И – исчезает... Боже мой,
Что делать с этою петлёй?..

Понятно, что в таком состоянии Кислозвёздов ещё не способен надлежащим образом реагировать на женские чары и прелести Вашей темпераментно-целомудренной Энни Ша, и ей нелегко-таки будет заполучить его расположение. И притом она замужем. А это наверняка сцены, которые у Кислозвёздова вот где...

Вот если бы муж Энни Ша умер или сбежал бы с любовницей в Талды-Курган, то было бы гораздо проще... А так нет. Ни за какие коврижки...

Кстати, у Кислозвёздова произошла и радость: на ежеквартальном поэтическом конкурсе «КурРоРТа» он получил I премию (2-ю и 3-ю решили не присуждать). Конкурсное задание заключалось в поиске лучшей рифмы к слову «БОРЩ». Вот конкурсные стихи:

ИЩИ И ОБРЯЩЕШЬ
(эклога)

Ты лба трагически не морщь,
Бровей сурово не топорщь
И злую рифму к слову БОРЩ
Ищи, товарищ,
Среди золовок, тощих тёщ,
Среди профессорш и лифтёрш,
Средь барахольщиц и гримёрш –
Средь борщеварщиц.

«КурРоРТ» сейчас в ожидании: из Хламидовки приезжает Мешок Налимов. Кислозвёздов лихорадочно готовится к встрече, купил на конкурсную премию водки и перевёл первую часть «Стансов» своего друга. Вот этот перевод:

МЕШОК НАЛИМОВ
стансы

«Товарищи, голову сверните канарейкам!»
Вл. Маяковский
«Я вам не кенар...»
С.Есенин

Блок разворован, Лермонтов украден,
И Тютчев уступил десяток строк...
Давай, Мешок, за Пушкина засядем,
За Александр Сергеича, Мешок!

Он был, как говорят, невольник чести,
Честил царя и в шутку и всерьёз.
Потом его Дантес убил из мести,
А всё с жены, конечно, началось.

Все жёны, как ведётся, тряпки ради
Всегда на всё готовы под шумок...
Давай, Мешок, за Пушкина засядем,
За Александр Сергеича, Мешок...

пер. Кислозвёздова

На этом Кислозвёздов пока остановился, пошёл трудный подстрочник, который без самого Мешка трудно освоить. Да Вы, Надя, как опытный переводчик, сами можете посудить, что это за подстрочник:

Страна моя родная очень широка –

В ней много всяких полей, лесопосадок, речек,

Я другой такой страны не знаю (т.е. не был за рубежом),

Где так же, как и у нас, все дышат вольным воздухом.

И т.д.

Ну, вот и все «курортные» новости пока. Те стихи, которые я читал в Алма-Ате, пришлю несколько позже.

Большой привет Р.М.Тамариной, Л.Шашковой – от Крокодилова, Мешока Кешоковича Налимова, от Кислозвёздова и прочих, –

и от меня, конечно.

Женя.

2 июня 1984 г.

Здравствуйте, Надя.

Вы, видимо, догадались, что Ваши письма я воспринимаю так, как Вы и рекомендовали их воспринимать, т.е. ни на йоту не сомневаясь в том, что переписываюсь я с тонким, умным, сложным и разным поэтом, и к тому же обаятельной женщиной... (Какой громоздкий комплимент, чёрт возьми, у Кислозвёздова нахватался...)

(Женя и впрямь «нахватался у Кислозвёздова», т.к. ничего подобного о себе я никогда не думала и уж тем более не рекомендовала Жене так меня воспринимать, и потому, перечитывая этот «громоздкий комплимент», краснею от забытого девичьего смущения. – *Н.Ч.*)

В свою очередь, спешу заверить Вас, чтобы и вы не сомневались, что я всё пойму, или, по крайней мере, постараюсь понять. Вот.

А Кислозвёздова я решил отпустить в отпуск к Мешку в Хламидовку, пусть порыбачит с Крокодиловым и приударит слегка за его Марусей. Кстати, там и жена Мешка довольно интересная женщина (её звать Знобия Мустанговна, девичья фамилия – Мустанг-бюль-бюль-Копытова, представляете?..)

И всё это вот отчего.

Один из апологетов и родоначальников КурРоРТа, именно тот, что в Москве, должен обязательно узнать, что от КурРоРТа стихийно отпочковывается мощное ответвление, и апологету и родоначальнику будет, если не обидно, то просто грустно узнать, что с его кровным детищем обращаются столь вольно.

Моему уважаемому Адриану Сергеевичу я объясню всю ситуацию, наверняка получу «добро», несколько идей и стихов, и я думаю, колесо покатится дальше, столь же стремительно, сколь и неотвратимо к ... чему?

Кстати, в Москве у А.С. проживают Артемон Фиалков и ещё некоторые персонажи КурРоРТа, о которых Вы, видимо, и не подозреваете, Надя.

Не знаю, как проведу лето. Вот, провожу жену в отпуск на родину (Оренбург), а сам попытаюсь засесть за книгу для «Кайнара», хотя это нелепо, дико, кощунственно – сидеть за столом, когда всё внутри против, когда лето зовёт в лес, в пойму, в горы...

Привет всем,

Женя.

Июнь, 1984 г.

Здравствуйте, Надя.

И всё-таки Вы плохо знаете Кислозвёздова. Его ухаживания за жёнами друзей носят совершенно платонический характер. Кислозвёздов любит своих друзей женатых самой искренней любовью. Он хорошо знает, что любая жена, примелькавшись, делается для мужа таким же привычным предметом, как трюмо там или шкаф. На неё смотришь – и не видишь её. Да и смотреть порой не хочется... В таких случаях даже лёгкий флирт на сторону (вполне безобидный) оживляет усталого мужа, он начинает вдруг замечать жену, в нём просыпается здоровое, но заснувшее чувство соперничества и своего стада. Мало того, он перестаёт на время сомневаться в том, правильно ли он сделал, женившись когда-то... Платонический флирт Кислозвёздова – та изюминка, от которой начинает с новой силой бродить закисшее было вино семейной жизни его дорогих друзей.

И знаете, Надя, сразу же после его прибытия к друзьям там происходит резкое оживление и обновление отношений. Появляется какая-то лихорадочность, внимание друг к другу – супруги начинают часто и многозначительно переглядываться и очень рано ложатся спать, благодарно оставляя Кислозвёздова у телевизора с полубутылкой коньяка... Мудрый, одинокий, терпеливый Кислозвёздов, как он всё понимает...

Кстати, вот он прислал письмо. Сообщает, что его очень хорошо приняли у Мешка. На днях он откопал золотую литературную жилу: нашёл двух местных стариков, одного звать Поездан Сактамович (дедушка Секир-башка), другого Щелкан Дуденьтьевич. Каждый вечер за бутылкой они ему рассказывают местные легенды, поют кюи народные – Кислозвёздов еле успевает записывать, он горит теперь желанием скорее обработать их. Правда, Мешок ему сказал, что за бутылкой он сам может таких легенд насочинять, что охо-хо-хо! Кислозвёздов растерян и ждёт совета. Вот здесь одна из присланных им и уже обработанных легенд.

ЛЕГЕНДА
о баране и тракторе
(записана в Зайсанской котловине)

Среди пустой дороги полевой
Они стояли под лучами солнца,
Один с рогами, а другой с трубой –
Две гордых силы, два – степей питомцы!

Баран был бел, а трактор был, как ночь,
И оба были пасмурны и строги,
И – ни один не уступал дороги,
И – ни один не шёл с дороги прочь!

Баран и трактор! Кто кого, судьба?!
Шли дни. Текли томительно недели.
Дожди шумели, молнии летели,
И слышалась вдали громов пальба.

Был трактор хмур. Баран был зол и рад.
И только раз он не сдержал ухмылку:
Он вспомнил, как десяток лет назад
Он повстречал вот здесь сенокосилку.

Да, вон её заржавленный скелет
Чернеет грустно в этой жалкой яме –
Там, рядом с голубыми «Жигулями»,
Отправленными навсегда в кювет.

И этот будет там же!.. Что-то он
Не движется, соляркой истекая...
(Стоящего не бьют, – гласит закон
Бараний...) Дни бегут, бесследно тая...

Баран забыл джайляу, водопой –
Не ведал он в тоске несокрушимой,
Что тракторист с весны ушёл в запой,
Давно простился с бедною машиной...
.....
И если съесть барана не успели,
А трактор по частям не разнесли –
Звени, домбра, во славу всей земли:
Баран и трактор там стоят доселе!

Кислозвёздов

Не правда ли, Надя, вполне нормальная народная легенда? Чего в жизни не бывает? Не стоит Кислозвёздову расстраиваться из-за намёков Мешка, ведь ещё О.Генри говорил, что автор не отвечает за то, что он слышал от попугая и что видел во сне. Можно добавить, что отвечать за народную легенду тоже не приходится, она ж народная! А Вы как думаете?

Да, Надя, наши герои не дадут нам сказать ничего заветного. Но если для Вас потеря, в общем-то, не велика, – что заветного может возникнуть в нашей Тьмутаракани? – то меня всё это лишает узнать разные новости... Хм...

Ваш Женя.
июль, 1984 г.

Добрый день, Надя.

Я почувствовал, что всё же обидел Вас злополучной «Легендой», поверьте, это не пародия, но лёгкое, совершенно дружеское подтрунивание, что ли, – и покорно прошу извинить за неловкость...

(Женя передразнил цикл моих стихов «Песни Джейраньей степи», написанные по мотивам казахского фольклора. «Легенда» Кислозвёздова меня ничуть не обидела, но Женя почему-то каялся и, по-моему, именно в порыве раскаяния стал всячески принижать себя дальше, описывая муки с книгой «Лес и мастерская». – *Н.Ч.*)

Одурел от писанины, от письменного стола, от вынужденно-суконного стиля, коим приходится (почему-то) писать свою отвратительную книгу о деревянной скульптуре. Образчик этого стиля: «Офрезерованная поверхность направляющей и точный паз по центру швеллера обеспечивают совмещение центров токарного станка на любом разводе бабок...»

Вы представляете, Надя, – «на любом разводе бабок»!

Эхолалия от подобного словоизвращения настолько самоубийственна, что я уже забыл те прекрасные состояния, когда утром встаёшь в музыке (радостной или грустной), и вся речь человеческая, все интонации и звуки – чисто и легко ложатся на эту музыку, всего-то забот тогда, чтобы не нарваться с утра на случайный скандал или чтобы не включили радио.

Сейчас же, уже с утра внутри шипят и раскручиваются страшные деепричастные обороты с мешаниной отступлений и мусором вводных, типа «особенно», «прежде всего», «по мере того», и даже «как уже говорилось выше». И я уже совершенно равнодушно могу и ругнуться, и даже врубить радио и без содрогания и конвульсий слушать какой-нибудь идиотский очерк в стиле И.Юровского: «А какие люди в сметанно-творожном цехе гормолзавода!»

Стал скушен, груб, привередлив, язвителен, циничен, мелочен, туп, вздорен, вял, капризен, уныл – отвратительно неинтересен.

Лето шелестит дождями, в парках свищут иволги, и мне грустно ещё и оттого, что неожиданно оказался в шкуре своего собственного героя: когда-то, давясь от смеха, сочинял за Кислозвёздова «Инструкцию к применению прибора ЧП-1 м» (т.е. чесальной палочки, модель 1 – модернизированная). И вообще, вся эта кислозвёздовщина и «КурРоРТ» – палка о двух концах... Вы не находите?

Всё же умудрился сделать две-три вылазки за ягодами (по ведру клубники и малины и мешок ревня) да пожил с неделю на Заливе. Прокоптился костром, напитался одиночеством, шумом волн, запахами воды и рыбы и снова на мгновение почувствовал ветер времени... Но всего этого так мало...

Когда закончу свою злополучную «Лес и мастерскую», сяду за «Залив», – нет, не за рыбацко-туристические приключения (Залив – это дух), – за свободное душепроявление, ну как в Задонщине: «Оле жаворонок, летняя птица, красных дней утеха, возлети под синия облака...»

Ну, а бедный, расхристанно-непосредственный Кислозвёздов продолжает желчно впитывать окружающую жизнь, которая постоянно щёлкает его по носу, давая понять, что не всё так просто, как кажется. Вот его новый опус.

ДОЛГИ НАШИ
(ноктюрн)

«Долг платежом красен...»
Народное
«Живу не по средствам,
Опять залезаю в долги...»
Л.Шашкова

Взял рифму в долг – «Европа – антилопа»,
И чтоб развить стихов своих гамбит,

На всякий случай взял взаймы «циклопа»,
«Холопа», «эфиопа», «изотопа»,
И – лучшую от Ноева потопа
К «Европе» рифму тоже взял в кредит...

И что ж? – с улыбкой злой питекантропа
Редактор, безобразный, как сатир,
Задёргался в истерике, затопал
И вопль издал:
– Верните долг в сортир!

Я по сортирам медленно блуждаю
И всюду
ссуды, ссуды
возвращаю...

Х.Кислозвёздов,
август, жара, сквозняки...

Печальный случай, не правда ли, Надя? Но Кислозвёздов убедительно просит не усматривать в его оригинальных произведениях пародий, ибо пародии, которые он тоже пишет, он так и называет: «пародия». Ну, например:

В КОНЦЕ КОНЦОВ
(из цикла «77 пародий на М.Чистякова»)

«Я Крезом был, я был Наполеоном...
Но власть не вечна, падают короны...»
М.Чистяков

Да. Власть не вечна, падают короны,
Слетают сны, как предвечерний дым...
Я Крезом был, я был Наполеоном, –
Короче,
был почти неизлечим...
Прошли года. Теперь серьёзней, строже
На жизнь смотрю, наив переборов...
О заблужденья юности!..
А всё же
Не Лермонтов ли я,
в конце концов?

Или вот ещё одна пародия:

СЛЕДЫ НА ОКНЕ

Мне горько тосковать и помнить
Черёмуховый белый цвет,

Осыпавший мой подоконник,
На нём твоих коленей след...
Зачем ты мне дана такая?..
Л.Кривощёков

Когда б ты чаще ноги мыла
И руки мыла б заодно,
Ты б, уходя, не извозила
Моё окно, моё окно.
И, подоконник отмывая,
Я думал, грустный от потерь:
Зачем ты мне нужна такая? –
Ходила б лучше через дверь...

Х.Кислозвёздов

Видите, Надя, Кислозвёздов не боится замахиваться даже на апологетов, хм, хм...

А.С.Розанов дал радостное «добро» на развитие и расширение «КурРоРТа», и его Арт.Фиалков разразился мощным кавказским циклом, первое стихотворение которого так и называется «Парус»:

«Белеет парус коллективный...» и т.д.

Как-нибудь соберу всё фиалковское и пришлю Вам, т.к. Вы должны иметь самое полное представление о творчестве основоположника, ибо он есть Корифей, Гигант мысли и Предтеча...

Всего Вам доброго, Надя, спасибо за информацию.

Всем привет,
Женя.
август, 1984 г.

(К письму был приложен снимок деревянного человечка с дурацкой улыбкой и бантиком на тощей шее. На обороте приписка: «Экспонат «Сада Корней», – м.б., Кислозвёздов в юности, ещё не раздавленный жерновами коварной судьбы и желчным человеконенавистничеством редакторов. Е.Курдаков». – *Н.Ч.*)

1985 ГОД

Здравствуйте, Надя.

Несказанно рад, что Агейкин (устькаменогорский художник. – *Н.Ч.*) пришёлся ко двору Алма-Ате. Прочитал Маше Агейкиной письмо Ваше (там, где о Лёне), она была тронута до слёз и шлёт Вам своё спасибо за доброту и сочувствие. Маша живёт памятью о муже, и её задача на оставшуюся жизнь – показать Агейкина Москве и обиходить его картины (св. 1,5 тыс.).

Вы находите общее у нас с Агейкиным? Наверное, всё же нет, Надя. Субстрат общий, конечно, земля и время, но темпераменты, характеры, внутренняя ритмика – всё это совершенно разное, он несравненно мощнее, талантливее от Бога, самовитее, что ли, цельнее, несмотря на кажущуюся разбросанность. Просто

живопись – вся! – была его вотчиной, он княжил в ней щедро, не успевая, торопясь и спеша, – да так вот и не успел... Ощущение цвета у него было необычайно острым, о цвете он знал такое, о чём мы, простые смертные, и не догадываемся, – он был Художник...

Умирал он мучительно, не приходя во внешнее сознание. Разбитая голова его металась по клеёнке реанимационной лежанки, и кто знает, какие огненные всполохи, какие последние видения, протуберанцы какого прощального огня вспыхивали в его гаснущей прекрасной кудрявой голове...

Смерть Агейкина – не случайность, это одна из разновидностей социального убийства, говорю Вам с полной ответственностью за сказанное. В этот чиновный, до идиотизма регламентированный, равнодушный, косный, гнилой, провинциально-убогий мирок тревожный темперамент Агейкина просто не вмещался, а деваться было некуда, кроме работы и водки, испепеляющей работы и сжигающей водки. Маша рассказывала, сколько унижений он претерпел на республиканских выставках – он приезжал из Алма-Аты белый от гнева и запивал на недели. Дальтоники, школяры и бездари отвергали его работы и учили писать...

Ещё до Вашего сообщения о разговоре с М.Ауэзовым по совету А.С.Розанова послал три письма: Алимжанову, Сулейменову, Ларину – с просьбой о рекомендациях. Наверное, глупо всё это, наивно. Сработала привычка во всём доверяться наставнику – и вот вздыхаю сейчас и морщусь от мальчишества и самонадеянности...

Ну, а насчёт Алма-Аты... Когда я сообщил это семье, мои три женщины-девушки тихонько заверещали от восторга: им вдруг забрезжила вдали возможность хоть каких-то перемен, дорога дальняя, Белый Город, праздник и обновление. Мы тоже радовались им вслед, я и мой старый мудрый пёс, единственные мужчины в доме, – мы с ним готовы всем пожертвовать ради любимых, а уж Сад Корней нам ничего не стоит сделать и в Алма-Ате, не говоря об андроновцах, которых наверняка можно отыскать и под Каскеленом, было бы желание... Хм, хм...

Я понимаю, Надя, что рано пока обо всём этом мечтать, нужно терпеливо и честно работать, как бы трудно ни было...

Вот задумал поплотнее заняться Абаем этою зимой, многое уже переоценил, внутренне собрался, перестроился, а главное, отыскал прекрасный источник уверенных подстрочников, дело за малым – за временем, которого нет и не предвидится (опять новая экспозиция, 6 залов, а это значит – безвылазная каторга до февраля). Очень хочется почитать Ваши переводы восьмистиший, о которых Вы писали, это, по-моему, самое трудное у Абая (в версификационном плане). Посмотрел недавно накопленные заметки о переводах Абая и вижу, что могла бы получиться статья, ведь надо в конце концов ответить оппонентам, утвердить свою убеждённость, что Абай для русского читателя лишь тогда возникнет как классик, когда он заговорит музыкальным и чистым русским стихом, а это для Абая возможно лишь путём тонкой аранжировки, где важнее точность передачи духа, но не педантичное следование тексту...

Но и на это пока времени нет.

Вот мои маленькие новости. Узнал недавно, что Слава Киктенко ушёл на творческую работу – молоток, завидую и рад за него, он, по-моему, может и должен многое сделать...

Пишите мне Ваши новости, как Шашкова, Тамарина, когда и где Ваша новая книга?

Всего Вам хорошего,
Женя. 17 октября, 85 г.

Здравствуйте, Надя.

Получил Ваше письмо с неожиданным предложением о вступлении в СП – и письмо меня взволновало даже не столько самим предложением, сколько просто тем, что Вы меня не забыли и не махнули рукой.

Год выпал трудный, суматошный – зимой безвылазно делали новую экспозицию, потом подряд три экспедиции, затем стажировка в Загорске, в Троице-Сергиевой лавре (по реставрации), откуда забегал в Москву, где посчастливилось познакомиться с милейшим Дм. Сухаревым и критиком Ю.Болдыревым (тем, что в «Неделе»), ну а отпуск проработал в Карагужихе, в забытом богом таёжном посёлке, занимался с тамошними детьми резьбой и флористикой.

И не было времени остановиться, сосредоточиться, сесть за стол, написать друзьям достойные их письма. Да и вообще ничего почти не писал, сляпал из старого книжку для «Жалына», поспешил отправить, а теперь стыдно, и нужно будет поработать над ней зимой...

А насчёт вступления в СП, знаете, Надя, мне не приходится кокетничать, и я тронут Вашим и Сашиным (Шмидта. – *Н.Ч.*) участием. Это на самом деле мне помогло бы спокойно заниматься любимым и единственным – литературой, и я так устал уже воровать время у жизни. Но, боюсь, возможность эта чрезвычайно мала: у меня всего одна книжка (ещё две заблудились в каких-то издательских дебрях) да меньше десятка журнальных публикаций. А потом, где взять рекомендации? У меня ни одного знакомого писателя-казаха. Посоветуйте...

Вот на этих сомнениях я и заканчиваю свою растерянную эпистолу, а о новостях «КурРоРТа» – сообщу в следующей.

Здесь – пустячки из новой поспешной книжицы.

Всего Вам доброго,
Женя.
30 окт. 85 г.

БАЛЛАДА О ЦВЕТОЧНОМ КИОСКЕ

На площади этой стояли дома:
Лечебница, школа, театр и тюрьма,

Чиновничий дом, разукрашенный в лоск,
И маленький старый цветочный киоск.

Усталая школа учила детей,
Театр лицедействовал не без затей,

Трудился высокий чиновничий дом
На поприще важном бумажном своём,

Лечила больница, карала тюрьма –
До пота работали эти дома.

И только цветочный киоск среди них
Был празднично ветрен, беспечен и тих.

Один он не звал, не карал, не учил,
Не ведал, не значил – он просто любил.

И ветер души его – запах цветов
Витал между этих высоких домов...

Но время пришло, и под гомон ворон
Киоск этот был равнодушно снесён.

И с площади той в окруженье домов
Исчез очищающий запах цветов.

Запахла тюрьма вдруг тяжёлой бедой,
Больница бессильем, страданьем, тоской,

Халтурой театр откровенно запах,
А школа – рутиной, скрывающей страх.

И даже высокий чиновничий дом
Вдруг, выдав себя, засмердил сургучом...

И стоит ли здесь проповедовать вновь,
Как плохо, когда исчезает любовь?

* * *

Что, что, что с того,
Что не молод, что не молод, –
Этот сумрак, этот холод
Полон света твоего.

Ветер выстудил закат,
Не бодрящий, не бодрящий,
И отложен в долгий ящик
Спор о том, кто виноват.

Где был вымысел, где смысл,
Где святое, где пустое, –
Всё слетело шелухою,
Наступило Время Числ.

Время вычислить расход,
Расплатиться чаевыми,
И понять, чего во имя
Городился огород.

...Только смутная душа
Захлебнётся вдруг в томленье...
Но и в этом наважденье
Жизнь смертельно хороша.

ЛЮБА

Все имена – словно с губ шелуха.
Имя твоё – как волна по морям.
Лучше тебя никого не слыхал,
Любушка, люба моя.

Люба моя, ты не верь, я не псих.
Кто тебе это наплёл?
С головы и до ног – от сих и до сих
Я в твоё имя влюблён.

Рядом со мною твои уста
Не были часа, не были дня.
Нельзя, нельзя тебе просто так
Взять и бросить меня.

Сердце выну из сердцевин,
Тебе испуганной протяну
На час один,
на день один,
На жизнь одну.

1986 ГОД

Здравствуйте, Надя.

Не жизнь, чертовщина какая-то, круговерть, – и выбраться из неё нет никакой возможности. До того замотался за этот месяц, сил нет не только писать – думать. А работы не убавляется, и есть подозрение, что её не убавится никогда. Вот перевёз мастерскую, нужно её оборудовать заново, а уже требуют оформлять новую экспозицию. Затеяли ещё этнографический театр, нужно срочно делать сцену, а между делом успеть написать две лекции, и т.д. и т.п... Ногу бы сломать, чёрт возьми, – единственный выход из всего этого, из этой свистопляски...

На запылённые рукописи свои смотрю вечерами с диким недоумением: неужели же было когда-то время?

Забавные Ваши надписи на штанах вспомнились недавно, когда мы записывали частушки у одной бабки со Шмелёва лога (пригород). Среди бесконечного и разнообразного фольклора этой гениальной бабушки (не вполне, правда, цензурного) были и такие перлы:

Я кальсоны полоскала,
Горько, горько плакала:
Где же, где же та игрушка,
Что в кальсонах брякала?..

Крепко, не правда ли?

(«Надписи на штанах» возникли в связи с днём рождения прозаика В.Г., которая в то время жила в Алма-Ате. Вот эти шутливые стихи, в самом деле начертанные на штанах – кружевных панталонах моей родственницы, пошитых в XIX веке, но в хорошем состоянии. Они являлись своего рода раритетом, и потому дорогим подарком:

НАДПИСЬ НА ШТАНАХ

Вот штаны!
Без разговора
Надевайте их, мадам!
По расчётам Пифагора
Они впору будут Вам.

В школе знает каждый школьник
Пифагоровы штаны,
И хоть ты не треугольник –
Бёдра у тебя равны.

Я люблю тебя такую!
Пусть ветра далёких стран
Налетят, в штаны надуют
Повесть или же роман!

Любим Чукчин.

Как мы видим, Любим погуливал от своей Энни Ша, и даже пошаливал, и даже потаскивал из дома личные вещи супруги. – *Н.Ч.*)

Кислозвёздовские «Советы» я всё же не рискую Вам отправлять, они, как говорится, на грани фола. Вот если сломаю ногу, пришлю Вам что-нибудь новенькое.

С Розановым порыбачить не удалось – мы с ним сразу по его приезде поругались и в очередной раз навсегда прекратили общение. Конечно, месяца через три опять начнём тяжкую поначалу переписку, помиримся, полюбим друг друга

до следующей встречи... Это всё знакомо наизусть... Трудные мы с ним люди, особенно я – не прощаю ни малейшего проявления фердунизма...

Забрал у Розанова все рукописи свои, в том числе и полный сборник свой, подготовленный для «Советского писателя», – была договорённость, что Межиров даст предисловие к нему (вернее, подпишет написанную Розановым балду) – сам Межиров не пишет ничего, как последний живой классик, а таких, как я, у него сотни...

Ну, да чёрт со всем этим...

Извините за сумбур, ей-богу, устал и измотался до полного отупения.

Привет всем большой – Руфи Мееровне, Любе Шашковой и Вере Галактионовой, чей образ дивный у меня сложился по Вашим письмам почти живым.

Всего хорошего,
Женя.
7 января, 1986 г.

Здравствуйте, Надя.

Дописываю письмо три недели спустя, как-то стыдно было посылать предыдущий листок, похожий на отписку. Но я всё так же кручусь безвылазно в мастерской, и всё так же нет ни сил, ни времени: началась страда переэкспозиции. Реставрирую всё, что без конца подтаскивают зав. отделами, – старую деревянную казахскую кровать, часы напольные стиля бидермейер, коновязь для лошадей, делаю манекены из папье-маше, подиумы, планшеты и т.д. и т.п. Приходится прихватывать и своё время – воскресенья... Вот забежавшие ко мне поэты рассказали, что приезжали Кривощёков с Санбаевым, собирали местную пишущую братию для беседы, а я и это «событие» прозевал...

«Кайнар» предложил мне написать книгу о ремёслах, но я отказался, предложив им встречно давно задуманную мной книгу «Золотое перо иволги» (30 этюдов об эстетике природы) – 12-15 (печатных. – *Н.Ч.*) листов. Если мы договоримся с тов. «Кайнаром», то, наверное, брошу к чёрту свою мастерскую и уйду за письменный стол. Тем более что Сада корней при музее мне делать уже не придётся – эту идею выкрали у меня из-под носа залётные варяги из Казреставрации и увезли разрабатывать в Алма-Ату. Представляю, во что это обратится под карандашами архитектурных мальчиков, леса в глаза не видевших...

Бедный наш директор, человек по-бабьи скроенный, – дрожит и пресмыкается перед каждым заезжим прохвостом, особенно если тот в чинах и мундире, да и собой хорош... Не моргнув глазом, он продал и меня, и наши с ним планы случайным ухарям, ошарашенный терминами «современный дизайн» и «зелёная архитектура»...

Но, наверное, всё, что делается, – к лучшему. Если получу заказ издательства, немедленно бросаю ставшую бессмысленной свою каторгу: жизнь идёт, рутина не убавляется, а накопленный материал, как Вы хорошо знаете сами, имеет свойство быстро превращаться в прах, если в него вовремя не вдохнуть душу...

Я не боюсь сглазить, рассказывая о своих планах, – ведь всего этого нет. Так, кой-какие разновременные записи, наброски, полустихи, концы-начала, – например, эссе о птицах, быль о Бабе-Яге, сочинившей колесо, трактат о бочке, сказ о Хорсе и Христе – высекателях огня, не узнавших друг друга, рыбачьи побаски дяди Гоши, какая-то чушь о снежном человеке в «Искендер-наме» Низами, что-то о колеснице Солнца, о знахаре Володе, о палиндромах леса, о шаманах, всегда

готовых в космос, о скотобое по кличке Саня Лом, о гудящих подводных пещерах Карагужихинских порогов, о чибисе в «Слове о полку Игореве», о музыке сфер, о прялке, о кроснах, о поясах, о сороковом медведе егеря Ташлакова, о бакыре – древнейшем промысле, восходящем к андроновцам, о змеиных шкурах, о ночных приливах леса, о мумиё, золотом корне, об осеннем затмении луны и массовых самоубийствах бабочек – и т.д...

Этот винегрет – возможная схема «Золотого пера иволги», т.е. нечто об ощущении растворённости в мире, природе, времени – забытом, но естественнейшем состоянии человека...

Для интереса попробовал начать одну главу, чтобы посмотреть, в каком прозаическом ритме всё это выкладывать, и знаете, увлёкся – и остро понял: пора! Нужно что-то делать с работой, с жизнью, начинать заниматься делом...

Видите, Надя, опять никакого письма не получилось. Как Ваши дела? Чем живёте? Что новенького в кулинарном цехе Энни Ша?

Всем большой привет,
Женя.
26 января 1986 г.

(В конверт был вложен черновик и моего письма – от 28 февраля 1986 г., отрывки из которого я позволю себе привести, т.к. они отражают литературное бытие Алма-Аты того времени. – *Н.Ч.*)

...На днях посетил нас А.С.Розанов, и он, должно быть, скоро будет у Вас. Я с ним буквально обмолвилась парой слов: решительно у нас с ним нет контактов, а Ю.Герт виделся с ним подробно. Розанов ходил со своими библейскими кудрями, вставшими дыбом, и, по-моему, уже обрёл некую невесомость, не совместимую с Указом. (Имеется в виду Указ Правительства о борьбе с алкоголизмом. – *Н.Ч.*) Розанов напросился ко мне печатать свою статью на моей пишущей машинке, что и сделал молча. Потом так же молча и хмуро съел тарелку супа, но на десерт я ему налила стопку запрещённой водки – и он повеселел, рассказал анекдот из своей школьной жизни. Вероятно, под воздействием мамаши Адриан Сергеевич имел тяготение к лицедейству и в школе организовал театр. Играли драму из древнегреческой жизни, которую сочинил сам Розанов, но объявил, что это Еврипид, и учителя удивлялись тому, какую, оказывается, ахинею писал прославленный трагик. Все актёры были в туниках из простыней, а на животах у них были привязаны банки с надписью: «Пуп».

Поделившись своими воспоминаниями, Розанов удалился – бороться с пьянством дальше...

...Отшумели у нас тут бурные дни Итогов книжного года. Всё было в духе времени: громили друг друга по делу и без дела. Уж как восхищались ещё год назад прекрасным Иваном Павловичем Щеголихиным: и прозаик превосходный, и манеры у него европейские, и ум настоящий, и, и, и... Теперь, оттого, что он (якобы!) заискивал перед Олжасом и объявил, что молодым помогать не надо: мол, истинно талантливое станет известно само по себе, а то, мол, шибко уж опекаем молодых, которые вовсе и не молодые, так вот из-за этого Щеголихина обвинили во всех смертных грехах и дружно обнаружили, что он ведь и писатель-то весьма средний, да и вообще человек беспринципный, всегда таким был!

Николай Ровенский обрушился на Павла Косенко, обвинив его в нечестности, безопасном восхвалении покойников (писателей), в неистовой любви к Владимирову, который есть проходимец, сделавший «Простор» своим семейным изданием, и т.д. и т.п.

В самом деле, «чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь...» Ровенский молчал лет пять.

Владимирова били по голове и по всему, что попадало под руку (фигурально, конечно). Он спешно бежал, а на другой день, говорят, прислал в Совет по русской литературе письмо, в котором обещал больше так не делать, а Ровенского всё равно не захотел любить и признавать ведущим критиком, потому что у него-де устаревшие взгляды на литературу, ещё 50-х гг.

Вас, Женя, поминали только добрым словом и все ратовали за то, чтобы Вас принимали поскорее в Союз писателей. А вот Чистякова всячески ругали и подозревали в графомании и спекуляции святыми темами.

Всего не перескажешь. Помню только, что все были раскалены и что некоторых, в том числе и меня, изрядно продуло «ветром перемен». Сразу же после Итогов я слегла с гриппом, не то «А», не то «Б». За время болезни почитала Достоевского, его «Дневники», и успокоилась: наши споры – продолжение литературных боёв прошлого века. Чего стоит это замечание писателя: «В сущности, у нас каждый подозревает другого в глупости безо всякой задумчивости и безо всякого обратного вопроса на себя: «Да уж не я ли это глуп, в самом деле?»

Вот и выходит: «Скучно ездить в общество, потому что там одно и то же...» – как замечал другой русский классик Гончаров, устами своего Обломова.

...Неплохая книга прозы вышла у В.Галактионовой в «Жалыне». Называется «Шаги». У той самой Веры, чей «дивный образ» сложился у Вас «почти живым».

Руфь прихварывает, что на неё не похоже. Даже в Переделкино не поехала. Но стойко борется за себя и шьёт наряды к весне.

Люба Шашкова всю энергию бросила на родное радиовещание. Редко её вижу, но ангельский её голос слышу часто. Слава Киктенко на вольных хлебах. Вышла у него книга «Заповедник». Он весьма стал активен и даже агрессивен в общественной жизни. Выступил на Итогах года с запальчивым докладом о творчестве молодых пиитов 80-х гг., но и после выступления сохранил пыл, рвал глотки старшему поколению и требовал, чтобы он, Киктенко, и со товарищи признаны были зрелыми мастерами, равными прочим профессионалам. Старшее поколение глотки прикрывало галстуками и обещало перестроиться, что было весьма сложно, т.к. в «Каламгере» подавали только кофе.

Конкурс Абая в «Просторе» терпит крах. Хороших переводов не шлют, а плохих и до конкурса было много...

Н.Ч.
20. 02. 86 г.

1987 ГОД

Здравствуйте, Надя.

Вы напрасно клевещете на свою книгу – она достаточно легка и свободна, чтобы вызвать убеждение, что автору нужно всего полшага (правда, наверно,

самых нелёгких), чтобы следующая книга стала, может быть, и Словом, то бишь – Поступком. Эти полшага – вон и прочь из навязанности, из мнимых необходимостей, из эхолалий круга, т.е. вверх – и к себе самой, эти полшага вполне реальны: в Вас столько весёлой энергии, ума, да и просто хорошей литературной культуры. (Кстати, Ваш юмор в Хламидовке оценивается по самой высокой категории).

(Ах, дорогой Женечка! Спасибо ему за эту дружескую поддержку, но если бы он меня убедил! Я считала себя бездарной, пустой, а стихи мои никому не нужными. И тогда именно я в очередной раз решила никогда больше не писать. Никогда! Такие решения я принимала несколько раз в жизни, но потом стихи начинали писаться помимо меня, и я покорялась им, как недугу, от которого нет лекарств.– *Н.Ч.*)

Мы здесь восприняли ваши (т.е. алмаатинские) события с чувством тяжёлого недоумения и досады, перешедшей в опустошающее сомнение в пользу того, что мы делали и делаем. Я, например, уже не могу взяться за переводы Абая с той же лёгкостью и верой в необходимость этого...

Очень хочется думать, что это случайность, стихия, но не кукиш, который 70 лет прятался в кармане, а потом вдруг был вынут всем нам под нос. Стыдно и противно... Вот когда нашим милым русскоязычным поэтам, которых я тоже полюбил за время своего короткого вояжа (в Алма-Ату. – *Н.Ч.*), вот когда им нужно сказать своё ответственное Слово во всеуслышание, ибо русским в этом случае говорить не приходится... Грустно всё это...

Заканчиваю сейчас главу из «Золотого пера иволги» – она автономна – и пошлю на днях в «Простор». Это эссе-трактат о птицах в языке и поэзии, и я был бы рад, если бы тов. «Простор» проявил к этой шизе всегдашнее ко мне расположение. Боюсь и трушу – от этой главы зависит и вся книга, вернее, буду ли я её делать дальше. Если бы вы черкнули бы мне сразу, до официального решения, – насколько нелепо то, что я делаю!

...Закончу эссе и продолжу обзор, есть ещё куча любопытных соответствий, например: «Родство, телефоны и зеркала...», есть и интересные наблюдения за взаимными посвящениями поэтов...

Жду не дождусь своей книжицы, хочется взглянуть, наконец, на себя со стороны и сбоку...

Всего Вам доброго,
Женя.
6 января 1987 г.

(В апреле 1987 г. Женя послал мне открытку с радостно улыбающейся обезьяной и текстом на обороте:

Надя!

Поздравляю Вас с надвигающимся днём Печати и Радио, а также с последующим Днём Победы. Желаю Вам перестройки и гласности – в личной жизни, успехов в демократизации и обновлении.

С почтением –
Х.Кислозвёздов.
Большеналимск, апрель 1987 г.)

(Вероятно, в ответ я послала Жене тоже открытки с обезьянами и свои шутливые стишки:

Флорист отъявленный и странник
И трубадур души моей,
Дарю Вам этот обезьянник:
Пусть населяет Сад Корней!

Подарок мой с прицелом дальним –
По всем статьям портрет хорош!
...Что ж, даже Пушкин, по преданьям,
На предков наших был похож...

июнь, 1987 г.)

Здравствуйте, Надя.

Получил от Вас письмо и в тот же день смотрел «В гостях у «Простора», хохотал от души и сразу же решил, что обезьянообмен нужно продолжить. Для начала здесь (...) портрет симпатичной гориллы...

ГОРИЛЛЕ
(эклога)

Прости, примат, мой родственник убогий,
Лохматый монстр с безумием в глазах,
Что в кайнозое разошлись дороги,
Что голый ты, а я хожу в штанах.
Нас Дарвин разлучил когда-то силой,
Внедрив закон отбора и труда...
Да. Я могу порой побыть гориллой,
Но мною ты не станешь никогда...
Мужайся, друг... Терпение и труд
Тебя к людским высотам приведут.

Х.Кислозвёздов,
Зоопарк треста передвижных зоопарков,
июнь, 1987 г.

Надя, вам всем, т.е. редакции «Простора», надо собраться и отлупить телевизионного режиссёра за передачу, которая была построена так, что создавалось впечатление, что вы все там беспрерывно переодеваетесь. Толмачёв появлялся то в галстуке, то в расхристанной клетчатой распашонке, с Вами происходило то же самое, и зрители (т.е. в данном случае моё смешливое семейство) следили только за этим. Этот легкомысленный стриптиз за круглым столом сильно отвлекал внимание, хотя, надо сказать, Мариковский с Кривощёковым, спасшие недавно Балхаш от Капчагая, почти не переодевались и пришли во вчерашнем...

И ещё: я думаю, планокеши Казахстана будут весьма довольны той ценной информацией, которую им сразу выдал «Простор» в лице трёх потных заикающихся журналистов. То, что конопля уже зацвела и проходы в Чуйскую долину

охраняются плохо из-за нехватки людей, будет, конечно, воспринято наркоманами с энтузиазмом... Но это всё мелочи. Я думаю, нормальные зрители хорошо поняли, особенно из взволнованного заявления Толмачёва, что редакция находится под сильным влиянием экстрасенса Джуны и что это скоро пройдёт. Телекинез и телепатия, исходящие с Арбата, в такую жару сильно слабеют, и, видимо, восьмой номер будет несколько менее сенсационным.

Был в Москве на тютчевском празднике, масса впечатлений: Межиров, Чухонцев, ЦДЛ, Переделкино, Кожинов, болгарские поэты, поездка в Овстуг, на родину Тютчева, сдал рукопись стихов в изд. «Современник», в № 9 «Нового мира» должна быть подборка, а сейчас, одуревший слегка, опять собираюсь в горы на пару недель...

Всего доброго, жду обезьяны,

Женя.

Июнь, что ли?

Надя! Сие – вдогонку за предыдущим. Иронизируя над Вашими строчками, Кислозвёздов, однако, тоже убеждён, что жизнь – копейка и что все там будем. Мало того, Кислозвёздов любит говорить, что «жизнь – это как бы тире между единственными словами, такими, как ням-ням, бай-бай, пук-пук...» Поэтому, будьте снисходительны, Ваш оппонент с Вами вполне солидарен, и только условность жанра вынуждает его, скрепя сердце, выдавливать из себя пародию.

Евг. Курдаков

КОРЧЕВНИЦА-СМЕРТЬ
реквием

Древний ворон обуглен пожаром...
Не минет года – рухнет потолок,
Сгорит изба...
Грядущих бед чернеющая тень
Нам не видна...
Не страшно ли вам встретиться очами
С моей душой...

Н.Чернова, сб. «Кочевница-Жизнь»

Не минет года, может, завтра даже
Рассыплется изба, сгорит гумно,
Разверзнется земля, мотор откажет,
И упадёт на голову бревно.

Быть иль не быть – вопрос давно излишен,
Ведь всё равно когда-нибудь – каюк!..
А над кладбищем вещий ворон слышен,
И слышится костей неясный стук.

Гробы, кресты!.. Безумными стихами
Я всех благословлю в последний путь...
Не страшно ли вам встретиться очами
С моей душой? Признайтесь: правда, жуть?!

Х.Кислозвёздов,
ночь на Ивана Купала, темно, сыро,
пахнет жареным...

Здравствуйте, Надя.

Вот, возвратившись из очередных своих скитаний (интересно, что же я ищу?), я в груде ожидавших меня писем обнаружил и Ваше, спешу сообщить, что я, как ни странно, жив ещё и вроде бы здоров, и всё ещё полон надежд закончить-таки бессмысленную книгу о птичьем языке. Моя бедная семья настолько обнищала, что, устроив мне затяжную нетворческую обстановку, решительно дала мне понять, что литературой, как и прочей ерундистикой, нормальные люди занимаются в свободное от работы время, а в рабочее время они зарабатывают деньги. Под честное слово мне был выдан последний срок (до 1 го ноября), в течение которого я должен завершить свою шизу, раз уж мне так приспичило, а после этого – выбирай: или поэзия – или семья: дочь ходит чёрт знает в чём, у самой шубы нет, и вообще, мы выходили не за поэта, – сказала моя рассерженная семья, с горечью тут же заметив, что, видать, горбатого могила исправит...

Вам, наверное, всё это скучно, как мне сейчас. Говорят, такова жизнь. Но Кислозвёздов утверждает, что таковую жизнь нужно перековывать в каковую. Но даже Кислозвёздов не в состоянии ответить, что же делать, если таковая ни в какую, и каково же таковским, каковые таковыми не являются?..

Кстати, на бедного Кислозвёздова Вы двинулись такой сплочённой армадой, что он сильно струсил, впал в меланхолию и перешёл на эпитафии. Надо сказать, жанр неожиданно увлёк его, дело оказалось не столь уж неприятным: обидчики, мнимые и настоящие, вдруг оказываются в местах столь отдалённых, что уже можно на них не обращать внимания. Ведь обратного (исподмогильного) жанра не существует!!! Итак:

ЭПИТАФИЯ ЛЮБИМУ ЧУКЧИНУ

Здесь спит Чукчин. Его убил не СПИД,
Не рак, не мрак цистита и цирроза, –
Его убил могучий аппетит
И шашлыков прожаренная проза...
Поэт, раблезианец, здоровяк, –
Он трудно жил... Но жил не натощак.

Надо сказать, что в этом месте Кислозвёздов, потирая руки, засмеялся, довольный. Какую глыбу, какого матёрого человечища похоронил он!..

ЭПИТАФИЯ ЭННИ ША

Под сей плитой почиет не дыша
Смиренная девица Энни Ша.
Но прототип смиренной Энни Ша
Ещё живёт, поэзию круша...
Ты потерпи, поэзия-душа, –
И прототип обнимет Энни Ша...

Впрочем, увлёкшись, Кислозвёздов написал и на себя эпитафию, позаботившись, конечно, чтобы она была поучительной и назидательной. Может быть, именно для этого он использовал гекзаметр:

АВТОЭПИТАФИЯ

Здесь, успокоен, лежит выбывший член профсоюза...
Славное членство его подлая смерть прервала.
Юноша, полный огня, вспомни про членские взносы:
Смерть может членство прервать, так и уйдёшь должником...

Видите ли, Надя, это, в общем-то, первый гекзаметр Кислозвёздова, и, чувствуя его ещё неполное совершенство, он назвал его не без кокетства «грехзаметром»...

Как-то ответят на собственные смерти алмаатинские знакомые товарища Кислозвёздова?

Всего Вам доброго, Надя, как Ваши послеотпускные настроения?

Пишите –

Женя.
9-10 сентября 1987 г.
г. Усть-Каменогорск.

Здравствуйте, Надя!

Мои спорадические умолкания, наверное, хоть у кого вызовут досаду. Но не досадуйте. Я и сам себе не рад. Был в каком-то ступоре после того, как мне из «Современника» вернули рукопись книги стихов с совершенно разгромной рецензией. Отчитали, как мальчишку, обвинив в эпигонстве Ахмадулиной и бардам 60-х годов. Рецензия была Т.Глушковой (есть такая поэтесса), а отказ издательства был подписан зав. ред. Барановой, которая при встрече в Москве (ещё летом) признавалась в любви к моим стихам и хлопала в ладоши, узнав, что сам В.Кожинов будет давать предисловие к книге. Этот отказ был, как (...), и я его связываю почему-то и с В.Кожиновым, т.к. Баранова сама не посмела бы сделать это. Вы, конечно, догадываетесь, как нелегко было всё это получить, много пришлось передумать, переоценить. Замкнулся в мастерской своей, прекратил всяческую переписку, просто не мог никого представить себе годным в те дни для роли сожалеющего и успокаивающего друга. Щепетильно разобрался во всём, не позволяя себе с маху отбрасывать рецензию. И только убедившись, что это чистое отфутболивание, несколько успокоился.

(Должна сказать, что мне примерно тогда же из изд. «Современник» пришла похожая рецензия на рукопись моих стихов «Гнездо Жар-Птицы», но более откровенная в мотивациях: мол, мы – издательство республиканское и издаём только авторов России, а главный редактор «Современника» поэт Валентин Сорокин, с которым я была знакома и который весьма одобрял мои стихи, даже предложил написать предисловие к моей книге, если я буду издавать её где-то, но не у них. Так что, думаю, в случае с Женей не было ничьих происков, в том числе и В.Кожинова, а просто была сверху спущена издательству такая установка: не издавать «чужих», но некоторые рецензенты не говорили об этом напрямую, а искали разные

хитроумные мотивации для отказа, как нашли и для Жени. Совершенно дурацкая отписка – обвинить его в подражательстве Ахмадулиной! Как говорится, и близко не стояли. Надо добавить ещё, что в советские времена русские поэты Казахстана, кажется, не издали в Москве ни одной книги. Прозаиков иногда издавали: И.Щеголихин, М.Симашко, может, ещё кто-то, а поэтов – что-то не припомню. В периодике российской публикации были, а книг – нет. Предпочтение отдавалось казахским авторам, которых довольно много переводили, и здесь, конечно, была политика: поддержка и развитие национальных культур. – *Н.Ч.*)

А на днях получил телеграмму! От Барановой о том, что произошло недоразумение и чтобы я срочно возвращал рукопись для постановки её в план.

В письмах же всё уточнялось: оказывается, во время болезни Барановой её недруги устроили массовое побоище рукописей (возможно ли такое?), и в числе «пострадавших» оказался и я.

(Может, и так, но факт остаётся фактом: книга Е.Курдакова в «Современнике», да и вообще в Москве, при жизни не вышла. – *Н.Ч.*)

Урок тяжеловатый, конечно, но памятный: очистил рукопись от огрехов, добавил Небес и перекомпоновал в соответствии с естественным строем души, т.е. чтобы книга смотрелась как одно стихотворение.

Вы, наверное, умудренно усмехнётесь всему этому, но, видите ли, Надя, я, к счастью (или несчастью), ни разу в жизни не был бит так беспощадно и беспричинно, и все книги мои шли очень спокойно и споро, а рецензенты были, как Вы знаете, более чем доброжелательны. Ну, и поделом мне...

Я ещё не отошёл от всего этого, но уже поглядываю на тетрадь КурРоРТа – Кислозвёздов, конечно, не упустит момент, чтобы запечатлеть комплексы битого поэта, и, м.б., они будут выглядеть примерно так:

Живу непризнанный, как призрак,
В пустыне мрачной и глухой,
И пессимизма чёрный признак
Витает скорбно надо мной...

Но это немного погодя... А пока – всё хорошо, что хорошо кончается. На дворе опять зима, на полке лежит отложенная до весны рукопись прозы, а верстак весь в кедровых заготовках и готовых безделушках, которые я опять гоню на заказ своему музею.

А какие новости у Вас? Как «Простор» поживает? Что-то последние номера его (10 и 11) совсем дрянные. Чего там случилось? Получил недавно от тов. Карпенко более чем странное предложение: напасть на Вас. Белова, – он не сионист часом? Я имею в виду Карпенко.

Пишите, пожалуйста, Надя, не мстите мне, грешному, я и так пострадал.

Привет Руфи Мееровне и Любе Шашковой –

Ваш Женя.

18 ноября 1987 г.

Добрый день, Надя!

Получил Ваше прекрасное, доброе, умное письмо и как-то стыдно стало за свои признания в отчаянье от каких-то рецензий и ещё от Бог знает чего. И правда, что

эти бумажки, стихи эти, по сравнению с самой жизнью, с этим снегом во дворе, с этими морозами, чёрт бы их побрал! – минус сорок...

Ну, а книга в Москве... Знаете, как я сейчас разобрался, она нужна не как Книга в Москве, но как нечто, завершающее какой-то самооправдательный круг в собственной жизни. Ведь что-то же делал в эти годы, ведь не впустую же, – так пусть же и будет на этом знак определённого качества, хотя он тоже может быть двусмысленным...

Вот пришло известие, что умер Анатолий Передреев. Жаль несказанно, поэт чистейший и нежнейший... А я ведь с ним разговаривал летом в Москве, и был он грубовато-бодр, чуть неприятен даже, слушал стихи мои, делал кинжальные замечания, но в общем пробурчал что-то одобрительное, но так, из вежливости, вернее, из досадливой усталости от всего этого...

Мой Кислозвёздов, кажется, возвращает себе былую активность и написал уже «Слово в защиту выражения «целиком и полностью» и что-то на тему ахматовского «Мне голос был...». Когда всё это у «него» сварится – пришлю. Ну, а пока какие-то вирши собственного изготовления, которые (я это серьёзно) в чём-то уступают кислозвёздовским. Я ещё не разобрался, в чём, наверное, всё-таки в главном: Кислозвёздов несокрушимо убеждён, что поэзия бесконечно выше жизни, а я ещё нет...

Привет Вам от моих женщин-девушек,

всего Вам доброго.

Ваш Женя.

30 ноября 87 г.

РЕЧЬ

Не слово породило речь, речь породило слово.
Из птицесолнечных предтеч, из шелеста лесов
Возник предмысленный поток, бесплотная основа
Далёких, спящих до поры, туманно-зыбких слов.

Они витали над землёй, шуршали и шептали,
Как бы предчувствуя себя, сомкнув наитий круг,
Внутри которого из них взошло Добро вначале,
Кристаллом смысла затравив перебродивший звук.

И вот назвался белый свет, и сразу тьма смешалась,
Слова воздвигли бытиё и осветили мглу,
А роковое слово Зло взросло из слова Жалость,
Как сожаленье о добре, потворствовавшем злу.

Не слово породило речь, но речь родило слово,
В своём возвышенном труде сумевшая посметь
Не обозначить зыбкий дух живого и родного,
Но смерть назвать и в том своё бессмертье разглядеть.

...Сойду в юдоль, как говорят, не утоля печали,
Но и в юдоли буду знать и веровать в одно:
Всегда добро, всегда добро, всегда добро вначале,
Каким бы злом погребено бы не было оно.

* * *

Есть игры в жизни... Однажды в игре
Высокой, нездешней, поймёшь безотчётно,
Что играми движет стихия расчёта,
А жизнь – простодушна, как дождь во дворе.

Как дождь этот лёгкий у чьих-то ворот,
Светло и бездомно травой шелестящий,
Свободно летящий, в тот мир уходящий,
Где нет ни расчёта, ни выгод, ни льгот.

Где школа живого твердит издавна
О вечно бесплодной тщете своеволья,
Где в поводыре не нуждается доля,
И цель не бесцельна, хотя не видна...

Без цели, без школы, без поводыря,
И волен, и лёгок, – но что ж так печально,
К далёкой игре прикоснувшись случайно,
Твердишь, что и это, быть может, не зря?

Не зря эти сходы, и споры, и взлёт
Летучих прозрений, азарта и воли,
С уменьем играть, с ощущением роли
В игре, где всё те же и риск, и расчёт,

Где козырем ходят, прикопленном впрок,
Где самозабвенно тасуются судьбы,
Где крапленой карты никто не осудит,
Была б она мечена к делу и в срок,

Где к ночи задремлют партнёры, и дом,
Игрой оглушённый, уснёт утомлённо,
И станут слышны отдалённые стоны
Живого, ночного дождя за окном, –

И струи по грифельной глади стекла
Стекут, осветляя туманное что-то,
Как будто бы вечно смывая расчёты
Беспроигрышных игр...
Это жизнь подошла.

1987 г.

1988 ГОД

Здравствуйте, Надя.

Как-то не воспитал в себе привычки поздравлений, всё казалось, странно это: вдруг, к невесть какому, «официально» назначенному празднику поздравлять и желать здоровья.

Какая связь здесь? Люди, наверное, должны поздравлять друг друга, ну, хотя бы с весной, с Книгой, хотя бы с Днём рождения, но не с днём железнодорожника. Вот и в Новогодье, получая массу открыток и писем (бедная, несчастная почта) – никого не поздравил, хотя и стыдно было ужасно. Я втайне уверен, что Новый год для каждого начинается в разные сроки, а продолжительность года тоже колеблется значительно, и у каждого своя. Вот у одного моего знакомого поэта, выпустившего недавно в Алма-Ате загадочную книгу под названием «Тишина», – годы коротки и однообразны, и хотя ему сейчас 49 лет, он внутренне прожил 95. Таков его душевный возраст.

Вам, мне кажется, от силы 26 лет, Ваши годы длинны, ярки, одно детство на Острове среди Иртыша – это же всего одно праздничное лето, не правда ли?

Итак, поздравляю Вас с Вашим 26-летием (...)

Для меня нового года ещё не наступило, всё тянется старый. Холодный, полный странного раздвоения души, тянущейся к чему-то столичному, шумному, – а внутренне всё привязанной к этому бесконечному ледяному одиночеству. Иногда устраиваю какие-то побеги – уходы с пьяной трепотнёй, сомнительными встречами, – а возвращения становятся всё тяжелее, двусмысленней, и почти уже без покаяния...

Редко пишу, прозу почти забросил, а стихи возникают не из потока, а из эпизодов, – жизнь не даёт сосредоточиться, – мой дорогой верстак... Но всё это не столь грустно, сколь досадно, ибо по-человечески жизнь проистекает, в общем-то, нормально.

А Вы не заметили, Надя, что «КурРоРТ» несколько потерял свою остроту и необходимость? Это, видимо, оттого, что нет уже изюминки борьбы и запрета и почти всё, нами написанное прежде, можно смело печатать?

Была у нас Фроловская, поразившая всех эрудицией, танковым напором и беспрерывным говорением (…). Передавала ли она Вам приветы?

По-прежнему каждую субботу провожу занятия в Студии поэзии. В отличие от литобъединения Н.Алексеева (семипалатинское литобъединение «Иртышские огоньки». – *Н.Ч.*) у нас есть интересные личности, имена которых, я надеюсь, в ближайшие годы всплывут в республиканской поэзии: Фёдор Черепанов (25 лет), Сергей Миляев (29 лет), Пётр Лопатин (33 года) и ещё некоторые. Студийцы шумны, ревниво-требовательны ко мне, я получаю от них огромное количество посвящений, такого примерно типа:

Остановись, учитель добрый наш!
И не транжирь патенты на бессмертье –
Здесь не достигнешь многого усердьем –
Таланта ведь к патенту не придашь... и т.д.

(И.Иванов)

Иногда я взрываюсь часовыми монологами, говорю им о призвании, о взлетании духом, о Слове – нашей внутренней форме бытия, – и т.д., – и студийцы, едва ли до конца понимающие всё это (как, впрочем, и я сам), зачарованно взлетают вместе со мной в выси небесные – и тем большее в них наступает досадливое нетерпение и ревность к сделанному великими, когда туман рассеивается и нужно жить дальше... Но... Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся... И дай бы Бог, чтобы оно отозвалось в них, моих темпераментных слушателях...

Однако скушно Вам, наверное, знать всё это.

Здесь какие-то стишки, навеянные смертью Ан.Передреева, с которым я говорил в Москве незадолго до его кончины.

Всего Вам самого доброго, – привет знакомым, –

Ваш Женя. 12 янв. 1988 г. Усть-Каменогорск.

* * *

«Ночью слышно: ветер стонет...
Это – надо мной»
Ан.Передреев

Приснилось мне, что смертною метелью
Я занесён в затерянном краю,
И звуки ветра хриплою свирелью
Мне тихо напевают жизнь мою.

Земную жизнь, прожитую по-русски,
С отчаяньем и верой позади, –
Чтоб здесь, в конце, под этим настом хрустким
Проститься с ней, смиряя стон в груди.

Но нет упрёка в этом слабом стоне,
В нём лишь печаль о том, что у конца
Горячий снег уже ничьи ладони
Мне не смахнут с холодного лица.

Что уж никто прощальными губами
Не тронет губ моих, любя, дыша, –
И улетит в метельный этот пламень
Навеки не прощённая душа...

Приснилось мне, а может, не приснилось,
А может, этот снег, что бьёт в окно,
Навеял эту боль и сиротливость,
Что вечно нам в себе нести дано, –

До запоздало горького признанья,
Которое возникнет вдруг, разя,
Что можно жизнь прожить без состраданья,
А умереть без этого нельзя.

И потому растерянно и слабо
Я всё прошу кого-то без конца
Хотя б во сне, во сне, во сне хотя бы
Смахнуть мне на прощанье снег с лица.

Дек. 1987 г. Евгений Курдаков
Черновой Над. Мих. – от Курдакова Е., эсквайра

Здравствуйте, Надя!

Здесь одна из тетрадей «КурРоРТа», я думаю, вам будет любопытно взглянуть на неё – прародительницу некоторых, Вам известных, хохм.

Если Вы дополните её, обособив перлами Энни Ша и её окружения, то редакция «КурРоРТа» Вам будет весьма признательна.

Тетрадь – не насовсем, т.к. она в единственном экземпляре.

(Кстати, её единственность – это и её главная ценность: можно представить себе, как были бы ценны некоторые иные книги, будь они в единственном экз.)

Кислозвёздов решил покончить с собой сразу же после перестройки: там ему делать будет нечего.

Крокодилова убрали из рыбинспекции, сейчас он работает в Облано референтом по экологии.

Арт. Фиалков пишет мемуар «В годы застоя», один мемуар он уже написал – «Перед застоем».

Кстати, его автопрототип, Розанов, должен быть сейчас в Алма-Ате – привет ему.

Как там, у Вас, Надя, дела на литературном фронте? У нас здесь, в тылу, – тихо, спокойно, нет ничего...

Всего Вам доброго.

Привет Любе, Руфи Мееровне,

Женя.

1 февраля 1988 г.

(Письмо, видимо, содержало подборку стихов – цикл «Речь», который состоял из пяти глав. Листок с письмом начинается обрывком пятого стихотворения. А целиком оно выглядит так. – *Н.Ч.*):

5.

Нет мёртвых слов и мёртвых языков,
Они вокруг и в нас живой толпою
Шумят, перекликаясь меж собою
Гортанным лёгким говором веков.

В них давний гул и отзвуки тревог,
Накопленные в тризнах и молитвах,
В пророчествах, пирах, кровавых битвах
На перекрестьях хорсовых дорог.

В них эхо тех отмеренных забот,
Когда от грома гроз рожались всходы,
У летних вод кружились хороводы
И сводом храма гнулся небосвод.

Горох в горшке, и рожь в горсти, и кров
Над головою, и корсак, и корзно –
Всё, древним однокровным смыслом Хорса
Наполненное, билось в звуке слов.

На взгорьях догорала Кострома
Костром страды, зажжённым на Купало,
Ярилась рожь, а ночь плескалась ало
Созвездьями Орала и Ярма.

И каждый день стекал красноведрян,
Как холст из кросен, выбелен, но красен,
И красный мир был потому прекрасен,
Что Хорсом был навеки осиян.

...Со снизки красных слов сниму одно,
Которое из древности стоустой,
Из этой хорсой, росой, рудой, русской
Взошло и речи огненной дано –

Той речи, что до нынешнего дня
Сквозь мглу и пронесла, и сохранила
Страду веков, высокий жар светила
И кровный дух небесного огня.

Март 1988 г.
Евг. Курдаков.

Здравствуйте, Надя.

Стихи Ваши – нормальные стихи Надежды Черновой, т.е. энергичны, умны, чуточку театральны («тень былых пожаров») – и прочитал я их с удовольствием. Можно констатировать факт поэзии, и да здравствуют отважные одиночки нашего печального поколения, которые не утонули в застойной луже своего времени, но выплыли и сушат сейчас на берегу свой порох. Мы ещё бабахнем, не правда ли, Надя? (Последнее стихотворение требует ещё четверостишия, вместо слова «счастье»...)

Что такое премия «Огонька», я ещё не знаю. Говорят – это медалька с грамотой и никаких шишей... Но я собрал 1000 положенных лауреату строк и послал в «Библиотеку «Огонька» – если там выскочу, это будет моей лебединой песней, ибо, комплектуя эту тысячу, я понял, что лучшего не напишу, хотя и это «лучшее» оставляет желать лучшего...

Здесь моя многострадальная «Речь», от которой меня самого подташнивает. Каков вам этот опус? Не будет ли он ко двору «Простору»? Будьте добры, покажите его кому-нибудь...

Нет, Надя, умирать я пока не собираюсь, но почему бы не помечтать? В любом случае, это кверулянство ничуть не плоше кверопупии иных жизнерадостных стихов наших общих знакомых...

И всё-таки, что с Вашим загадочным Островом? Время от времени он таинственно выплывает из Ваших писем, фантастично красивый, тополино-песчаный, среди огромной Вечности, – и мне кажется, не беспричинно? Повесть, поэма?

У меня всё по кругу: верстак, стол, студия. Но на дворе – пахнет весной, а значит, скорой дорогой, горами и лесом... Дожить бы...

Всего Вам самого доброго,
Ваш – Женя.
9 марта 88 г.
г. Усть-Каменогорск

Здравствуйте, Надя!

Приехали наши ребята с «Жигера» (это был молодёжный фестиваль творческой молодёжи, которым руководил поэт Мухтар Шаханов, а я была у него в помощниках. Мы тогда работали в Совете по работе с творческой молодёжью в ЦК ЛКСМ Казахстана – *Н.Ч.*) – взволнованные, радостные, полные чувства собственного достоинства. На кого же я их оставлю здесь, моих талантливых, если переберусь к Вам? Ну, и перебираться буду сразу после свадьбы дочки (28 мая), если больше ничего не помешает.

Знаете, Надя, у меня нет особых планов или задач для Алма-Аты – просто хочется, наконец, начать жить литературным трудом, чтобы спокойно дописать свои две последние книги. Больше всего надоело здесь совмещать верстак с письменным столом, уже тошно всё это, унизительно. И эта заброшенность вечная, ощущение совершенной ненужности своей...

Ну вот, потихоньку Вы и признались, что Ваш Остров – это повесть. Думаю, Вам трусить не следует, если всё это пронизано воздухом открытия мира (это же о детстве?) – то обаяние вещи «держит» себя само. Святым духом, ветром воспоминаний и ещё какой-то струёй текучего эфира, который Бог знает что. Хотелось бы почитать это... (Моя повесть «Великие скитания» была завершена и напечатана только в 2009 г., в книге прозы «Мороз-трава». – *Н.Ч.*)

Вот и я «увидел», наконец, свою прозу. Теперь нужно время, покой, который и не снится даже, толику уверенности и немного удачи.

Лазали по горам с Валентином (Балмочных. – *Н.Ч.*). Замечательная весна вокруг, цветы, снега, ручеёк, птицы. Нашли мумиё, привезли ревня, всяких трав весенних...

А перед этим писал опять какие-то грустные стихи, которые высылаю Вам, как документ моего постоянного, «не гражданственного», пессимистического отношения к окружающей действительности...

Всего Вам доброго,
Ваш – Женя.
13 мая 1988 г.
г. Усть-Каменогорск

* * *

Я слышал – под утро грачи прилетели,
Их крик, пробиваясь сквозь взломанный сон,
Метался в глухой предрассветной метели
И снова стихал, словно сном унесён.

А утром всё то, что могло бы присниться,
Возникло кружащейся рябью в окне,
Где медленно плавали тёмные птицы
В метели, снегу, в наступающем дне.

Дрожал, воспаряя, и скорбно, и странно
Обиженный грай над застывшей землёй...
Зачем же так рано, так рано, так рано
В тоску нашу, в стужу, в наш март неживой?

И душу томило, и стаи кричали,
Как будто всё это заставши врасплох,
Пытались наш холод и наши печали
Почувствовать грудью на вскрик и на вздох.

Рассвет розовел и дымился морозно
Поверх этих стай и метелей поверх...
Зачем же так поздно, так поздно, так поздно
Душа прозревает и плачет о всех?..

Евг. Курдаков,
30 марта 1988 г.

Здравствуйте, Надя.

Это письмо, а также мой большой привет передаст Вам поэт-бард из г. Электростали (Моск. обл.) Вадим Антонов. Мы с ним переписывались, а вот он побывал у меня в гостях. И, конечно, если Вы хорошо попросите, Вадим исполнит Вам свои песни, а также расскажет об Усть-Каменогорске и об устькаменогорцах.

Надя, если Вы поможете Вадиму с публикацией или с подборкой на радио (на возмещение вечно утрачиваемых мат. средств), то провинциальная поэзия крупно возблагодарит Вас от имени КуРоРТа...

Извините за краткость, я уверен, Вадим возместит недоговорённое здесь нашими новостями.

И, заранее – спасибо,

Женя.

(К сожалению, Вадим Антонов ни мне, ни другим алмаатинским поэтам не понравился и песни его тоже, хотя дружеский приём ему был устроен, как сейчас помню, на квартире Веры Галактионовой, в складчину. Нина Шмидт – жена поэта Саши Шмидта – принесла большую кастрюлю горячего плова, было и много другой еды, а также горячительных напитков, так что заезжий московский бард не был обделён вниманием. Поэт Саша Соловьёв, который баловался ещё и

живописью, подарил Вадиму свою новую картину. Мы сбросились, чтобы материально поддержать поиздержавшегося поэта. Однако острые на язык и всегда готовые к вышучиванию, наши поэты то и дело подтрунивали над гостем, сочиняли шутливые экспромты, но это, к счастью, кажется, не огорчало Антонова, и он пел весь вечер под гитару свои, в общем-то, не особо талантливые песенки, чем и вызвал наше разочарование и ироническую реакцию. Он был действительно как бы персонажем «провинциальной поэзии КурРоРТа». Не помню, написала ли я Жене всю правду о Вадиме из Электростали, но на этом переписка наша прекратилась. Может быть, ещё и потому, что Женя вскоре переехал в Алма-Ату. В конверте лежала очередная пародия на мои стихи. – *Н.Ч.*)

БАХЧИСАРАЙСКИЙ КАНКАН

Приморская Кафа дурела от дынь,
От рыбы, от винного хмеля...
Нёс голову друга татарский вассал
К ногам победителя хана...
Мелькали шальвары...
Н.Чернова, «Награда»

Напрасно старуха ждёт внучку домой,
Она под балладным угаром
Ушла на шаланде тропой кочевой
Отмстить неразумным хазарам.

Багрицкий в дубке улизнул в океан,
И Пушкин прошествовал мимо...
– Откуда дровишки? – спросил её хан.
– Из классики русской, вестимо...

Нёс голову друга татарский вассал,
И дыни дурели в телеге,
Трещали шальвары, и кто-то плясал
Под песню о вещем Олеге...

Х.Кислозвёздов,
июнь, утро туманное, утро седое...